

Илья Бояшов

«БЕЛЫЙ ТИГР»

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 86

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Владимира Гусакова

ISBN 978-5-389-34728-1

© И. В. Бояшов, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Осенью злосчастливого 1943 года по затерявшейся в болотах северной русской земли одноколейке шел поезд с эвакуированными детьми. На него налетел немецкий самолет, бомбы снесли рельсы и вздыбили паровоз. Пламя принялось греть холодное осеннее небо. А одинокий воздушный зверь развернулся и еще раз на бреющем пролетел вдоль загоревшегося состава и поставил крест своей хищной тени на вагонах. Дети, белея рубашками, как горох, посыпались из теплушек. Взрослые, которые ехали с ними, были убиты взрывами. Дети, оставшись без провожатых, заплакали и заметались по насыпи.

При виде посыпавшихся и разбегавшихся ребятишек даже у фашиста пропало желание жечь и громить — он не стал их расстреливать и исчез в облаках. И повсюду в прежде молчавших болотах теперь зазвенели детские голоса, и по мху, по болотной жиже во все стороны потянулись следы.

Из всего эшелона осталась в живых лишь одна немая девочка; отбившись от остальных, она заблудилась, ушла в сторону и каким-то чудом наткнулась на одинокую землянку, в которой жила старуха-знахарка. Старуха приняла и отогрела ее. А остальные были обречены! До холодов они еще бродили по этой разоренной земле, глодали кору, пили из луж и спали в бомбовых воронках, прижавшись друг к другу и пытаясь хоть как-то согреться. Но вот пришли заморозки и следом за ними — верная смерть, ведь детишкам некуда было деваться, а они были очень маленькими.

На одном из холмов той земли раньше стояла деревня. Все ее избы сгорели. Оставшиеся в живых женщины возле пепелищ вырыли себе жалкие землянки и ютились в них со своими чахлыми ребятишками.

Некоторые дети из того сгоревшего эшелона добрались до холма, стучались в землянки, умоляя дать им хоть какой-нибудь еды. Но женщины не могли выпустить пришлых в свои тесные убогие норы и ничего из еды не могли им дать, им было не до пришельцев. Они тщетно пытались спасти своих детишек, но те умирали один за другим.

Однажды утром одна из обитательниц жалких землянок, Валентина, ссохшаяся, оглохшая и ослепшая от грохота и жара войны, увидела, что ее трехгодовалые сыновья мертвы. Близнецы умерли в одну ночь и лежали обнявшись, словно не желали и после смерти расставаться друг с другом. Валентина взяла холстину и завернула в нее своих деток. Никто из соседок не выглянул из своих землянок на ее плач, лишь из ям на краю сожженной деревни, когда она поволокла холстину к кладбищу, вылезли маленькие пришельцы и заскулили, прося хлеба.

У Валентины не было сил дотащить до кладбища свою скорбную ношу, она добралась лишь до ближнего холма, сотворила лопатой вечную спальню своим сынкам и, завалив ее землей, упала на холмик. И обратилась к Богу. Вот что она шептала:

— Я не могу больше жить! Возьми меня к себе, Господи, как взял моих бедных деток. Нет уже никаких сил оставаться на этой земле...

Чужие дети стояли в отдалении, не смея приближаться, они едва держались на ногах.

А Валентина все всматривалась в дождливое небо и просила и за себя, и за тех, кто еще был жив:

— Боженька, прекрати наши мучения! Сделай хоть что-нибудь, милосердный Боженька!

Ответом были лишь шорох дождя и поскуливание чужих детей. И, обессилев плакать, Валентина добрела до своего жилища. Она упала на лежанку, приготовившись к смерти, но вместо гибели к ней пришел сон, который длился всю долгую зиму; это было чудо, но она проспала до весны и осталась живой!

А детишки-пришельцы, когда выпал первый снег, все до одного замерзли в своих ямах.

Весной в сожженную деревню явилась старуха, ведя за руку спасенную девочку.

Оказалось, что, кроме Валентины, еще несколько женщин спаслось той зимой. Аглая (так звали знахарку) обнаружила их

спящими. Знахарка поставила на поляне перед землянками котел; в нем варились молодая, только что пробившаяся крапива, болотные луковицы и целебные коренья. Едва остудив варево, старуха полезла в землянки, принялась будить спасшихся и вливать в них свое горькое лекарство.

— Бог не взял меня, — прошептала Валентина старухе. — Но нет моих сил, Аглая. Как жить мне без своих деток? Как мыкаться без дома?

Старуха заплакала. И, вытирая слезы, так сказала осиротевшей:

— Милая доча! Последние остались капли, последние наши слезоньки. Вот-вот переполнится чаша. Наступают уже Его времена. Пошлет Господь вперед себя вестника! Не может уже не послать. Скоро явится ангел. Перед его приходом будут знамения и чудеса. Не удивляйся им, молчи о том, доча! Жди и молчи! Не дано нам видеть Божий промысел, но знай — недолго уже терпеть...

— А как мне узнать ангела? — спрашивала Валентина. — Каков он из себя?

— Ты ли его не увидишь! — ответила старуха. — Неужели не отличить его от остальных людей, если даже он не будет лететь над землей, а явится простым человеком — глаза его выдадут, походка выдаст его, дела, которые он будет делать, сразу скажут, кто перед тобой.

Аглая поцеловала спасенную и поспешила к другим землянкам.

Убедившись, что жизнь в деревню возвращается, и напоив всех своим целебным отваром, она покинула холм. Безымянная девочка шла, цепко схватившись за ее сухую руку.

А женщины выползли из убежищ. Кроме Валентины, остались в живых Агриппа, Мария, рыжая Наталья и малая ростом Татьяна.

В болотах за землянками рябило озерцо — они пошли к нему. И на берегу сорвали с себя истлевшие ватники и ветхие платья. Они натирали друг друга глиной, расчесывали пальцами волосы и терли ссохшиеся упавшие груди, а затем купались в озерце.

За камышами, болотами и каменистыми северными холмами уже родился теплый ветер. Он ласково обдувал их. Повсюду — по берегам топкого озерца, в болотной тине — возились лягушки. В каждой ямке, заполненной водой, дрожала их икра.

Голод был невыносимым. Женщины нагибались, хватали лягушек, и насыщались их водянистым мясом, и ели их икру.

Наконец снег исчез везде, даже в низинах. Радостным синим небесам открылись дети забытого эшелона. Дети лежали в подлесках, в ямах и на холмах. Повсюду белели их рубахи, но мертвых не терзали ни животные, ни птицы, и от них не шло никакого духа.

— Господь приказал зверям не трогать безвинных! — решила Аглая.

Женщины в постиранных и заштопанных платьях, в наглухо повязанных платках сносили легких ребятишек туда, где еще с осени спали под едва заметными бугорками их родные детки.

Валентина за своей землянкой в бомбовой яме нашла маленьких пришельцев, которые на самом дне уткнулись личиками в мох. И заплакала:

— Я буду молиться за вас. Грех на мне — не обогрела тогда! Но видит Бог, не смогла!

Пока женщины копали братскую могилу, Аглая сложила у каждого страдальца на груди руки. И затеплились принесенные ею свечи. И ветер затих, словно боясь задуть их. А женщины иступленно работали день и еще ночь. Утром уже стоял на холме видный издалека крест. Обессилев, могильщицы упали в траву. Они беспробудно спали, а камни уже грели ящериц. И вдаль вдруг послышалось звяканье колокольчиков!

На запах жилья неизвестно откуда пришло коровье стадо. Никто не знал, как оказались коровы в этой пустой заброшенной земле, где на многие километры никого из людей не осталось. Исхудавшие животные искололи бока репейником. Придя в себя, женщины ползали с ведрами под коровьими животами, а коровы благодарно мычали, ласковыми глазами разглядывая новых хозяек, крыши землянок, и кусты ольшаника за ними, и поляну, на которой давно уже остыли угли того первого, живительного, разожженного знахаркой костра.

А потом стадо спустилось к озерцам и лягушкам и принялось насыщаться молодой травой, и позвякивание колокольчиков вселило в женщин тихую, спокойную уверенность в будущем.

В ведре отнесли они молоко к одинокой землянке Аглаи.

На звуки колокольчиков и мирный дым потянулись бродячие собаки. Тощие, ободренные псы, тоже неизвестно где и как выжившие, скуля, едва волочили к землянкам животы. Радостно встречали и их!

Первым послевоенным летом свершилось еще одно чудо: вернулся в деревню демобилизованный Валентинин муж.

Еще издавек, с дороги, заметил он в траве жилище Аглаи. И, весь в густой теплой пыли, подошел к едва выступавшей крыше. Напуганная живность со стрекотом разлеталась из-под его сапог. Засмеявшись, вернувшийся нагнулся к открытой двери. Спасенная девочка из темноты подняла на него испуганные глаза — он не замечал ее и силился разглядеть старуху. И разглядел наконец.

— Что! — окликнул. — Жива еще, старая плесень. И ведь и я не подох!

Аглая знала ответ:

— Бог не хочет тебя брать!

Вернувшийся расхохотался:

— А ты ведь каркала — сгину.

Он поднес к губам трофейную гармонику и показал все ее звуки.

— Господь не берет тебя, — твердила старуха. — Не нужен ты небесам. И ангелам, и архангелам не нужен со своей беспутной жизнью.

— А что Сатана?

— Да не ты ли слуга самого Рогатого?! Что же о нем расспрашиваешь? В пекле место твое, после того как примет дьявол Гитлера со всей его сворой. До тебя не дошли еще руки!

— Отчего же?

— Больно мелка сошка!

Демобилизованный разозлился.

— Тебя, каргу, пропущу вперед себя, — пообещал. И, плюнув, зашагал прочь от землянки.

Вновь кузнечики избегали тяжелых солдатских кирзачей, а поля и низины слушали гармонику. Он шагал по дороге, огибая болото, а старуха выползла и поспешила напрямик по известной только ей тропке. Острые иглы сухой травы кололи ее босые ступни.

Задыхаясь, прокричала Аглая встревожившимся было женщинам, которые копошились возле жилищ, о Безумцевом возвращении. Так вернулся отпетый гуляка и пьяница — война насколько его не изменила!

Ночью Валентина гладила и ощупывала тело мужа: не было на нем ни одного шрама, ни единой царапины, и было оно свежим и сильным, будто он не с войны явился, а с прогулки — и лишь просоленная гимнастерка, и пыльные стоптанные сапоги, и фуражка его со сломанным козырьком говорили о том, что много он походил по земле!

Плача, вспоминала Валентина детей: своих и тех, кого весной отнесла она к могильному холму, и шептала об этом — муж равнодушно слушал. На рассказ ее об ангеле, которого Господь должен послать вперед себя, рассмеялся: «Бабские бредни!»

Он соскучал по женским ласкам. Вот что он приговаривал:

— Давненько не леживал я на бабских сиськах! То-то славные подушки — бабские титечки. Давненько не ласкал я их, не тискал, не голубил... Ай да славно их приголубить да приласкать!..

И так, приговаривая, делал свое дело, на которое был мастер. А утром, оставив за спиной обессиленную жену, в одном исподнем возник на пороге землянки. И не беспокоился нисколько о том, что женщины увидят его таким! Он загудел в свою гармонику. А потом достал из сидора флягу, которая оказалась неиссякаемой, и вдоволь наглотался водки.

Собаки, сразу почувствовав в нем хозяина, подбежали и легли возле его ног целой стаей. И когда вновь он заиграл на гармонике, завyli, подняв морды к небу. Безумец хохотал и не отгонял псов — ему лень было их отгонять. Иногда он отрывался от гармоники, пил из своей чудесной фляги, и вновь играл, и щурился на солнце, и шевелил босыми пальцами, которые впервые за много дней отдыхали от сапог.

Остальные женщины, когда он вот так вызывающе появился перед ними, ушли далеко за холм на дорогу и стояли там в безнадежном ожидании.

Безумец вновь скрылся в землянке, все еще неуспокоенный и ненасытный. А затем, к вечеру, вновь возник на пороге. Дремавшие возле жилища собаки вскочили от визга гармоники.

Ожидание женщин оказалось бесполезным! Первой очнулась Мария — она была самой спокойной и рассудительной. Она поняла: никому уже больше не суждено вернуться — и первой заплакала все свои слезы.

Был вечер, в озерах прыгала за мошкой рыба, в камышах шлепали крыльями утки, закат лил на холмы тихий свет. Солнце послало на землю свою последнюю золотую дорожку, и, возвращаясь, Мария смотрела на эту золотую лестницу, веря, что по ней поднялся в небо ее бедный муж. Позади трава вдруг подала непривычный шелест. Женщина оглянулась. Тут же лапа закрыла ей рот, и на нее навалилось жаркое сильное тело. Мария увидела густую рыжую шерсть на груди вернувшегося беспутника. Ее понесли в траву, и больше она уже ничего не помнила.

А потом насильник приказал: «Молчи, дура!»

И хмыкнул, довольный.

Вслед за Марией устала ждать рыжая Наталья.

Несколько дней спустя, пробираясь с бельем к воде по топкому берегу, она кинула вперед себя две жердины. Подоткнув платье, осторожно ступала по ним, боясь поскользнуться. Вдруг из глубины озера кругами пошла вода, жердины треснули, Наталья полетела, но цепкие руки, взявшиеся неизвестно откуда, подхватили и понесли охнувшую женщину. Отойдя от испуга, она увидела, кто ее держит, поотбивалась и даже укусила стервеца, но он только хохотал в ответ и нес ее в камыши. Не пришлось ему валить Наталью силой, она, страстная, сама разохотилась и не уступала Безумцу. И тоже оказалась ненасытной: до ночи катались они по глине, сминали камыши и плескались в озерце, но даже холодная вода не смогла их остудить.

Безумцу было мало и Натальи! Рябая маленькая Татьяна собирала в кривых болотных сосенках созревшую голубику. И охнуть не успела! Охотник был похотлив, и не было никаких сил от него отбиться. Когда Татьяна очнулась, вся одежда на ней была изодрана, а мох рядом с тем местом, где он повалил ее, весь был выдран клочьями — так трудился Безумец!

Лишь Агриппа осталась им нетронутой. Она дольше всех прождала на дороге и не притрагивалась к пище, которую приносили ей женщины. Ждала и в полуденном стрекотании кузнечи-

ков, и в ночных шорохах мышей-полевок. Женщины с тревогой звали ее, опасаясь, что она повредилась в рассудке, но Агриппа словно окаменела.

Ночами вспыхивали светлячки. В полдень ветер гонял по пустой дороге пыль — но никто, кроме везучего бабника, больше не возвратился.

И Агриппа беззвучно плакала.

А Безумец, сделав дело, натешившись со всеми остальными до седьмого пота, весь остаток того лета забавлялся гармоникой. Верные собаки, вывалив языки от жары, лежали возле него. Фляга, всегда полная водкой, сколько бы он ни пил из нее, лежала возле.

Чудеса же пошли одно за другим! Так, на холме, на котором после бомбежек все было выжжено и пусто, повсюду вдруг начала пробиваться и вылезать из почерневшей земли густая трава. И росла она на глазах! За нею очнулись спаленные кусты и деревца; вчера еще скорчившиеся, мертвые и сухие, сейчас они вырастали, день ото дня набирая силу, покрываясь зеленью и уже пряча своей листвой крыши землянок. На ямах и воронках дружно поднялась мать-и-мачеха. А за сорняками потянулись ввысь от земли и яблоньки-дички. Все раскидывалось ветвями во все стороны, буйно цвело и наливалось соками. Вскоре прежде обожженный холм оказался покрыт травой и деревцами, а земля продолжала щедро выпускать на волю спрятанные в ней до поры до времени новые побеги. Женщины удивлялись на такое буйное цветение и были даже напуганы. Наконец зелень окончательно спрятала землянки, холм стал далеко виден в болотах, и солнце уже едва пробивало густую листву молодых яблонь. Живность лаяла и мычала в деревьях. Переступали Безумца коровы, пускающие слюни с морд: их колокольца радостно отзывались на гудение гармоники.

Лишь к осени Валентина решилась потревожить безмятежного мужа. Он лежал под молодыми деревцами и, полусонный, едва оживился на ее легкие шаги.

— Вот-вот польет дождь и придет голод, что будем есть? — спрашивала женщина то, что должна была спросить. — Мы пропадем!

Теплый день согревал бывшего солдата, собаки дремали возле его ног, и водка была неиссякаема. Ничего он так и не ответил.

И продолжал валяться в траве, лишь вечерами вспоминая о жене. Но стоило только гаснуть последней звезде и в дверную щель начинать пробиваться первой полоске утреннего света, вылезал нежиться на солнышко. И запускал пальцы в густую собачью шерсть — ибо собаки всегда ждали его возле землянки.

Пошли по утрам туманы, низина заволакивалась ими, и казалось, холм плавает посреди облаков. Валентина вновь пристала к беспутному:

— Мы не сможем есть глину! Не сможем щипать листья. Нет наших сил, и будет погибель тому, что от тебя еще и народиться-то не успело.

Безумец пропустил мимо ушей ее тревожные слова.

В третий раз уже все женщины встали над ним в упрямом ожидании — только тогда он неохотно поднялся, натянул гимнастерку и галифе (а так все те дни в одном исподнем по холму расхаживал), схватил фуражку, обмотал отдохнувшие ноги портянками и втиснул их в ненавистные тяжелые сапоги.

Сам дух его выветрился — будто и не приходил он вовсе!

А когда женщины окончательно уверились в том, что бездельник попросту сбежал от них и от такой беспросветной нищеты, и все, кроме Агриппы, принялись плакать, — неожиданно он вернулся. По его виду было видно — он измучился дорогой. Он опустил на землю свой тяжелый мешок и повалился спать под яблоню. И пока он храпел, женщины, боясь поверить счастью, боясь потревожить его, не прикасались к сидору. Лишь собаки отваживались подползать к спящему хозяину — и преданно лизали его руки.

Валентина терпеливо ожидала пробуждения. Ее согрешившие подруги стояли поодаль и прятали от нее взгляды. Нельзя было уже скрывать плоды летних утех — а понесли от Безумца все четверо. И все смотрели на мешок.

— Там отруби, — шептала Татьяна, не спуская глаз со спасительного сидора, — отруби были бы для них счастьем!

— Сухари, — отзывалась Наталья.

— Он разделит все поровну, — твердила Мария.

Так ждали они, пока не пошел первый осенний дождь и не разбудил ходака. Очнулся он и первым делом потянулся за флягой — и уж вдоволь нахлебался! Затем он схватил сидор и спус-

тился в низину. Женщины, встревожившись, последовали за ним. А Безумец шагал и оглядывался по сторонам. Остановился он только возле холма, на котором зарастал травой одинокий крест. И недолго раздумывал. Росла возле холма сто лет назад сосна и, развалившись, оставила после себя крепкую еще корягу. Безумец вырвал корягу из земли и на глазах изумленных женщин потянул ее за собой, взрыхляя ее сучьями неподатливую землю. Дерн разлетался во все стороны — такая была у сумасшедшего сила, так вспарывали землю острые сучья! Шатаясь, таскал пьянчуга свой плуг взад-вперед мимо ошеломленных женщин, и Валентина вскрикнула, не сдержав слез:

— Мы умрем! Господь решил так! Он допился — и пашет осенью!

А Безумец тем временем пахал и пахал. И, вспахав поле, развязал мешок — в нем оказалось зерно. Горстями он разбрасывал зерно во все стороны, ругань срывалась с его губ, он запускал в мешок надорванную руку, пока наконец не вытряхнул последние зерна.

— Мы не сможем есть глину! — вскричала рыжая Наталья, поняв, что они обречены на верный голод.

Вслед за остальными разрыдалась и спокойная прежде Мария. А надорвавшийся своей непосильной работой Безумец побрел домой — шаги давались ему с большим трудом.

Женщины думали, что он помрет!

Целыми днями лежал надорвавшийся в землянке, не прикасаясь ни к молоку, ни к моркови и репе — их единственной пище. Аглая сготовила травяной отвар, но Безумец отводил ее руку и лечился одной водкой.

После того как Безумец засеял осеннее поле, помощи ждать оказалось неоткуда. Снарядили в поход Агриппу, и отправилась женщина в далекий областной центр — так власти впервые узнали, что в этой деревне после войны еще остались живые! Дали ей лишь мешок отрубей и просили продержаться зиму — хоть солому есть. По всей земле в тот год был великий голод.

И вновь вернулся снег, а женщины приготовились умирать! Одним утром Валентина с порога землянки безнадежно смотрела на запорошенные болота. В низине обреченно мычали коровы.

Собаки, сбившись стаей, бегали возле жилищ и жалобно скулили, предчувствуя беду.

Вновь просила Валентина прощения у Бога за погибших деток: «Не смогла я уберечь их». И просила Господа за безумного мужа: «Прости его! всю жизнь свою не ведал он, что и творил!» И еще она попросила Бога побыстрее забрать ее на небеса к деткам, которые ждали ее там. «Видно, не дожидаться мне здесь Твоего ангела!» — вот что молвила со вздохом.

Бросив взгляд на поля, внезапно увидела она, что на том далеком поле, которое засеял ее беспутный муж, в снегу поднялась рожь! Сердце ее забилося.

— Знак! — вскричала Валентина. — Права Аглая! Знак! Знак Господень!

Женщины выбежали на ее крик. И радостно бросились к заколосившемуся полю. Все взялись за серпы. Еще недавно вспоротая целина дала обильное множество хлеба. Попискивали мыши, выскакивая из-под ног срезающих колосья жниц. Те относили снопы и возвращались за новыми. Рожь была убрана, открылась оголенная земля, которая тотчас была засыпана мелкой снежной крупой. И снег обильно повалил из опустившихся туч, а женщины, позабыв о заметно округлившихся животах, работали до седьмого пота, обтрясая снопы. И наконец заскрипели в землянках жернова — сладкой была скрипучая песня жерновов. Печи донесли снежному небу уже забытый им запах. Женщины перекликались, не находя себе места от радости. Они спрятали в землянках мешки с зерном и уже испекли первые хлеба. Так свершилось еще одно чудо!

Явилась зима, но она была уже не страшна!

А снег, выпадая в ту зиму на холм, мгновенно таял, словно под землей забили горячие ключи! Яблони так и не сбросили свою листву, и повсюду на холме продолжала расти сочная свежая трава, коровы вдоволь насыщались ею. Собаки лежали под деревьями, и теплая земля грела их животы. У подножия холма теперь постоянно поднимался пар, во все стороны лежала ледяная пустыня, но на маленьком островке, где уместились и землянки, и яблони, было тепло и сухо.

Изредка Агриппа, кутаясь во все отданные ей платки, спускалась к сугробам и насыпала снега в котелки и чашки. И относи-

ла в землянки к сонным женщинам, которые часто уже уставали и большей частью времени отдыхали на лежанках: животы их уже походили на маленькие круглые холмики.

А виновник подобных холмов дремал, слушая, как булькает на печке мучная похлебка.

Пришло время и его сыновей!

Первой разродилась Наталья. Агриппа, приняв младенца, объявила о рождении сына. Едва придя в себя, Наталья разыскала глазами скорбную Валентину, которая все глаза уже выплакала, и едва слышно просила прощения. Имя ребенку было дано — Владимир (впоследствии он стал известен под именем Владимира Пьяницы; веселая водка, постоянно бродившая в отце, и буйный нрав матери сделали дело).

Хрупкая Татьяна не смогла разродиться.

В землянку, где над умершей склонились Агриппа с Валентиной, ввалилась Аглая, добравшаяся до селения по пояс в снегу. Лед еще висел у нее на клочьях волос. Аглая ощупывала живот упокоившейся роженицы, бормотала, пыхтела и наконец вытащила безжизненное тельце ребенка.

— Он тоже мертв! — горестно воскликнула Агриппа.

Но старуха, сунув младенца в уже остывшую воду котла, шлепала и трясла его. Он безжизненно болтался в ее руках. Рассердившись, Аглая еще сильнее затрясла младенца — и ответом был едва слышный писк. Тусклые глазки взглянули на седую бабку. Еще раз шлепнув по маленькой заднице ожившего мертвеца, Аглая отдала его изумленным женщинам. Так появился на свет слабенький Владимир Книжник. Его закутали в чистые тряпки и отнесли кормить к Наталье.

Агриппа из найденных досок сколотила гроб. Все собрались в яблонях возле покойницы, даже Безумец, до конца еще не пришедший в себя, выполз. И, равнодушно взглянув на ту, виновником смерти которой он невольно был, поковылял обратно к теплой лежанке и заветной фляге. А старуха, обвязав гроб веревками, с помощью Агриппы потащила с холма скорбную ношу к дымящейся черте, за которой были снег, мороз и ледяное безмолвие. Там женщины положили гроб на санки и, проваливаясь в снег, довезли усопшую к могильному холму и оставили до весны.

Смерть на том успокоилась. Вскоре у Марии благополучно родился еще один Безумцев сын — Степан (прозванный в будущем Руководителем).

А Валентина родила Владимира Строителя.

Вернувшаяся весна застала живыми всех сыновей.

Земля окончательно оттаяла, и женщины засобирались на похороны своей подруги. Виновник их недавних страданий, отойдя от болезни, развалился на поляне в тени окрепнувших яблонь, весь в их лепестках, и дул себе в гармонику.

Валентина упрекала мужа:

— Тебе дела нет до нас! Не виноват ты ни в чем!

Болтался привязанный платком к спине ее маленький сынок. Татьянин Владимир пищал у нее на руках. Рыжая Наталья позади нее подняла и показала отцу своего ребеночка — она вновь была здоровой, радостной женщиной, готовой рожать еще и еще.

— Хотя бы не играл на гармошке! — упрашивала Безумца Агриппа. — Нельзя сейчас веселиться!

Он лишь отмахнулся. А женщины спустились в низину и положили в цветах и траве путь к гробу. Прежде чем взяться за скорбную работу, они постелили в траве платки и опустили на них детей. И Татьянин сынок, равнодушный к мертвой матери, ползал и орал там наравне со своими братьями.

Вскоре был поставлен на могильном холме еще один крест.

Время шло: все сыновья, кроме Книжника, обладали отменным аппетитом.

Ночами Агриппа слышала детское чмоканье в соседних землянках. Ей не спалось, часто выходила она ночами на порог своего жилища. И слезы текли помимо ее воли.

Однажды, когда луна закрыла собой половину неба, за землянкой послышался шорох. Агриппа поняла, кто крадется, и откликнулась:

— Убирайся!

— Никто уже не вернется, — подала темнота голос.

— Похабник! — ответила женщина. — Тебе мало жены. Татьяна погибла, но ты и слезы не пролил... И не помог нам. Твои близнецы померли от голода — оплакивал ты их на могилке?

Безумец разозлился и заскрипел зубами:

— Погоди-ка, чертова баба! Груды твои иссохнут, живот будет болтаться между колен. Кому станешь нужна?

— Не тебе, — твердила Агриппа.

И текли ее слезы.

Безумец еще походил вокруг да около, еще погрозился. Но вынужден был отступить.

Однажды вечером, вернувшись с огорода, Валентина увидела, что из землянки исчезли сидор, гармоника и фляга. Она все поняла, подхватила сопливых Книжника со Строителем и направилась к Натальиному жилью.

Собаки, уже перебежавшие туда вслед за хозяином, грелись на вечернем солнце. Угрожающе рыча, псы вскочили и разделили собой выглянувшего мужа и его жену.

— Что притащилась? — спросил как ни в чем не бывало Безумец.

Глаза Валентины светились слезами.

— Зачем ты мне? — почесывался он, разглядывая ее — измученную, сгорбленную, с двумя детьми на руках.

Агриппа, проходя мимо, не смогла промолчать.

— Возвращайся! — потребовала, взбешенная черствостью его сердца.

Безумец тоже взбесился:

— Помолчи, сучка! Попомни о том, что сказал тебе тогда. Горько еще пожалеешь...

Готов он был пустить в ход кулаки, но Наталья увела перебежчика в свою землянку.

— Мне-то что делать? — обернулась к женщинам. — Коротать одной дни?

Заполучив свое счастье, гордо ходила рыжая по холму, полоскала белье, возилась в огороде, и обстирывала, и ублажала Безумца, а он, как и прежде, валялся целыми днями под яблонями, а иногда искал ее, не в силах дотерпеть до ночи. Камыш возле озера весь был смят и повален. И часто Наталья, уже надоив ведро, разливала молоко, когда он подкрадывался и внезапно подхватывал ее. Начинили они здесь же, на пойме, свои бесстыжие игры. И, обессилев, иногда не могли доползти до землянки

и засыпали в камышах. Заходилась тогда плачем Натальин сынок, заброшенный и забытый в землянке счастливой матерью.

Лишь однажды отец вспомнил о сыне — дал ему облизать палец, смоченный водкой из неиссякаемой фляги.

То жаркое лето повсюду выжгло траву и раскалило сухую землю. И женщинам все труднее было по зловонной жиже подбираться к высыхающим озерцам. Старый колодец был засыпан бомбой, о новом же Безумец и думать не трудился!

Детей не выносили из землянок: внутри жилищ еще оставалась прохлада.

Вялые мошки липли к горячим бокам коров. Подвывали собаки, не в силах выскочить из своих шкур. А пьяный ленивец грыз засохший хлеб. Он был доволен даже мутной водой из озерца. Женщины тщетно просили его о колодце — палец о палец не ударил.

Ангел же так и не приходил — напрасно ждала его Валентина. Напрасно выходила она в то лето к дороге. Лишь ветер гонял по ней пыль.

Под конец невыносимого лета душным вечером вдали принялись округляться и темнеть облака. Следом за пылью и летящей сухой травой, мрачней на глазах, на холм надвигалась великая туча, и уже глухо забормотало и ярко заблестало над болотами.

Беспечный бабник при первых звуках грома полез было в землянку к Наталье. Но первым же порывом невиданного прежде ветра сорвало и сбросило доски с ветхой крыши. В клочья разорвалось небо — и хлынул настоящий потоп. Наталья, схватив сына, бросилась к выходу. Безумец, отплевываясь, по колено в воде двинулся следом. Все уже сидели на крышах, задыхаясь от дождя, ибо землянки были затоплены буйным ливнем. Матери как могли укрывали детей. Агриппа спасала иконы. Это была настоящая буря; пенящиеся реки огибали холм, подмывая его, и неслись дальше, в дождевой туман. Всю ночь вскипала вода, и сыновья Безумца устали плакать.

Утром по холму прозмеился глубокий овраг. Завязнув в глине, коровы бессильно вскидывали к небу скорбные морды, собаки поскуливали, все еще оглушенные громом. Яблони, согнутые

ливнем до земли, упрямо распрямлялись и отряхивали ветви, а в полях уже всюду стрекотала мелкая живность.

В Натальиной землянке так и осталась вода.

Добродушная Мария приютила у себя рыжую и ее сына. А Безумец, оставшись без крова, чесал затылок. Ни слова не молвив, вновь исчез с холма.

И когда женщины подумали, что покинуты им навсегда, — вернулся.

Где-то достал он лошадку с телегой и на телеге принялся возить бревна. На холм явился запах соснового леса. Уже не удивлялись женщины той силе, которая вновь проявилась в нем (один он управлялся с тяжелыми бревнами, таская и сваливая их). А потом укатил на телеге и вернулся уже пешком. И вновь отдыхал под яблонями, раскидав в траве онемевшие руки, — и вновь никто не посмел его будить. И матери с детьми стояли над спящим.

Проснувшись, схватился он за работу. Смола пятнала траву, и щепной вихрь носился по всему холму — так споро орудовал он топором. И даже ночью, когда уставшие смотреть женщины разошлись, острое железо кланялось послушному дереву. И работал Безумец так, что гимнастерка его не успевала просохнуть.

Вскоре на холме появился первый сруб. Ветер уносил стружку к болотам. Безумец, разведя костер, колдовал над глиной, которую набирал возле озера.

Помогли ему женщины только со стропилами. И вот настал день: печная труба пробила крышу, и деревянный петушок уже сидел на коньке. С новеньких бревенчатых стен сбегала смола. Глина засыхала на вздувшихся руках плотника. Вновь он отправился за мхом и вновь топором помогал себе. Проконопатив жилище, сорвал дверь с Натальиной землянки и приладил ее к новому дому. И сколотил тяжелый и вечный стол. Были также сработаны им лавки и кровать, а затем и люлька для сына — это была единственная его забота о Владимире Пьянице.

Захватив из землянки утварь и тряпки, бросил все на пол новой избы.

Бояшов И.

Б 86 «Белый тигр»: романы, повесть, рассказы / Илья Бояшов. — СПб.: Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 896 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-34728-1

Все перемешалось в доме писателя Ильи Бояшова — история и фантастика, небывальщина и бывальщина, русская волшебная сказка и суровая военная проза. Правила для него не правила, это тот литературный барьер, который нужно преодолеть с разбегу — перепрыгнуть и бежать дальше. Он сам сказал однажды о творчестве (и о своем, и в общекультурном плане): «В литературе надо быть дилетантом, не обращать внимания на правила, ведь только в таких случаях получаются совершенно уникальные тексты». У Ильи Бояшова получилось.

В книге, которую мы вам представляем, собраны пусть не в полном объеме, но, во всяком случае (наше мнение), немаловажные для творческого портрета писателя сочинения.

«Путь Мури» (премия «Национальный бестселлер», 2007) — роман-притча о коте, волею внешних жутких, нечеловеческих (с точки зрения кота) обстоятельств (война на Балканах) пересекшего всю Европу в поисках родины и хозяев.

«Танкист, или „Белый тигр“» (экранизирован Кареном Шахназаровым в 2012 г. под названием «Белый тигр») — роман о немецком танке-призраке, выходе из ада, и русском танкисте Ваньке Найденове по прозвищу Смерть, вызвавшем адскую гусеничную машину на дуэль.

«Повесть о плуте и монахе», «Безумец и его сыновья», «Райское яблоко»... — другие сочинения автора, написанные то в сказовом простонародном, лубочном стиле (в традициях лучших авторов большой русской литературы — Лескова, Салтыкова-Щедрина, Гоголя), то, как «Конунг», стилизованный под великие эпосы древнескандинавской культуры, дополняют наше представление о писателе.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ БОЯШОВ

«БЕЛЫЙ ТИГР»

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.10.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 54,88. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-ARL-44177-01-R